

А.Г. Караяни, В.П. Каширин

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ БОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (НА ПРИМЕРЕ ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЙ)

Описаны поиски военными специалистами зарубежных армий психологических механизмов повышения активности военнослужащих, принимающих участие в боевых действиях. Представлены детерминанты, обеспечивающие необходимую боевую мотивацию и психологическую устойчивость военнослужащих, среди которых важное место занимают социально-психологические факторы. В их числе выявлены высокая групповая сплоченность, позитивное лидерство, ресурсные отношения с родными и близкими и др. Установлено, что на формирование данных факторов ориентируется программа всесторонней подготовки военнослужащих и членов их семей.

Ключевые слова: социально-психологические факторы, сплоченность, лидерство, социальная леньность, военная психология, боевые действия.

Commanders and psychologists of foreign armies purposefully work over strengthening of psychological resiliency of participants of operations. Psychological resiliency (stability) is understood as ability of participants of operations to keep the fighting capacity in an interval providing performance of a fighting problem. Among the factors providing psychological resiliency foreign military psychologists name factors socially-psychological. To number of such factors vertical unity i.e. trust concern the commander, horizontal unity, i.e. a collectivism, constructive relations with the family. The program of comprehensive preparation of military men and members of their families aims at formation of the given factors. Experience of foreign armies can be considered at building of psychological service of Armed forces of the Russian Federation.

Keywords: socially-psychological factors, psychological resiliency, military psychology, operations.

В начале нового тысячелетия ряд армий иностранных государств практически непрерывно участвует в боевых действиях в рамках различных военных конфликтов. Так, в войне в Ираке (2003–2010) принимали участие военные контингенты из 49 стран. В разгар боевых действий в Афганистане (2011) Международные силы содействия безопасности – возглавляемый НАТО международный войсковой контингент, действовавший на территории Афганистана с 2001 года – составляли 132 457 военнослужащих из 48 стран. В войне в Сирии сегодня принимают участие как минимум пятнадцать государств.

Военнослужащие ряда государств участвуют в боевых действиях непрерывно на протяжении последних семнадцати лет. За это время армии сил западной коалиции потеряли около 10 тыс. убитыми и порядка 50 тыс. ранеными (не считая психологических потерь – около 15% участвовавших в боевых действиях). Среди военнослужащих этих армий отмечается высокий уровень посттравматических стрессовых расстройств. Так, в вооруженных силах США он составляет около 20% от числа участников боевых действий. Специалисты указывают на широкую распространенность среди участников боевых действий само-

убийств, наркомании, преступлений против мирного населения [2].

Стремясь обеспечить необходимую психологическую устойчивость (по американской терминологии – психологическую упругость) участников боевых действий – способность сохранять определенный интервал боеспособности в обстановке действия стресс-факторов боя, – руководство армий зарубежных государств придает большое значение формированию и развитию ее социально-психологических компонентов [4].

Изучение 32 документов (полевых уставов, доктрин, руководств, рекомендаций), учебников, учебных пособий, научных статей, разработанных в Великобритании, Израиле, Канаде, КНР, США, Швеции показало, что зарубежные психологи рассматривают психологическую устойчивость прежде всего как способность военнослужащих противостоять сильным и динамичным стресс-факторам боевой обстановки, сохранять боеспособность в ее условиях. Она показывает себя как сложное социально-психологическое явление, выходящее за пределы человеческого тела и индивидуальной психики [2; 4; 15; 16].

Так, известный израильский военный психолог Р. Гал [16], обосновывая модель боевого стресса, важнейшим ее элементом называет «вертикальную сплоченность» воинского подразделения. Под ней он прежде всего понимает уровень доверия подчиненных своему командиру. Гал вводит в модель боевого стресса «линзу» доверия к командиру, которая кардинально меняет силу и модальность воздействия боевых стресс-факторов на военнослужащих. При высоком уровне доверия командиру сила боевых стрессоров, по данным Гала, существенно снижается. По сути, речь идет

о профессиональном и моральном авторитете командира, военачальника, о признании его формального и неформального лидерского положения в военной организации. В таком случае сплоченность воинских подразделений возрастает. Под сплоченностью понимается та или иная степень единомыслия, общности чувств и взаимодействия личного состава подразделения, воинской организации при выполнении военно-служебных задач, наличие в подразделении отношений достаточно высокого уровня взаимного доверия, помощи, сотрудничества.

Израильские военные специалисты Г. Беленьки, Ш. Ной, З. Соломон [11] показали, что при высокой вертикальной сплоченности воинского подразделения военнослужащие способны выполнять любые приказы, в том числе и те, которые могут вызывать у них сомнения, неуверенность, нравственный конфликт.

Американские военные психологи Дж. Аппель [2], Б. Хорн [13] и С.Л. Маршалл [8] еще в годы Второй мировой войны доказали, что основной боевой мотивацией американского солдата был коллективизм. По существу здесь идет речь о «горизонтальной сплоченности» воинского подразделения, когда между военнослужащими имеют место взаимное доверие в отношении своей военно-профессиональной надежности, дух боевого товарищества, взаимного нравственного доверия и поддержки. То есть, по мнению этих психологов, американский солдат воевал не за витальные национальные интересы, а «за своих товарищей». Дж. Аппель установил, что такая мотивация угасает в течение 180–240 дней пребывания военнослужащего в зоне боевых действий вследствие изменения композиции и структуры воинского подразделения

(гибель личного состава, ранение, служебный рост, перевод боевых товарищей в другие подразделения) [2]. Выводы из исследования Аппеля побудили американское командование, несмотря на огромные финансовые издержки, ограничить срок пребывания военнослужащих в зоне боевых действий 180 сутками [3; 5].

Низкая сплоченность воинского подразделения ведет к развитию среди военнослужащих такого опасного явления, как «социальная лень», появлению многочисленных «зайцев», стремящихся любыми доступными способами избежать участия в бою. Маршалл, в рамках масштабного социально-психологического исследования, в ходе которого на протяжении четырех лет осуществлялось наблюдение за военнослужащими 400 пехотных рот, показал, что из бойцов, которые в каждый момент боевых действий могут и должны пускать в ход вверенное им оружие, всего 15% ведут прицельный огонь по неприятельским позициям. Если к этим непосредственно действующим бойцам присоединить тех, кто проявляет какую-либо личную боевую инициативу, то процент реальных участников боя можно будет довести уже до 25% [3; 8, с. 50] (рис. 1).

Таким образом, полезное участие в бою принимает лишь один боец из четырех, т.е. *реально в бою участвуют лишь 25% военнослужащих*. Та же картина наблюдалась в американских воинских частях, участвовавших в войне в Корее в 1950–1953 гг. [3].

Одним из направлений повышения успешности боевой деятельности военнослужащих в армиях западных государств, в том числе и в США, является использование различных средств и способов воздействия на вооруженные силы и население противника с целью сокращения их материально-технического и духовного потенциала.

Стремясь снизить психологическую нагрузку боевых действий на своих военнослужащих, поднять их моральный дух и боевую активность, в армиях западных государств используют различные средства и способы негативного психологического воздействия на духовные силы войск и населения противника. В числе таких психогенных воздействий регулярно оказываются дезинформация, ложь, запугивание людей, подтасовка фактов, извращение содержания сообщений, действий, поступков, подчеркивание отрицательных и замалчивание положительных сторон конкретной проблемы, чередование прав-

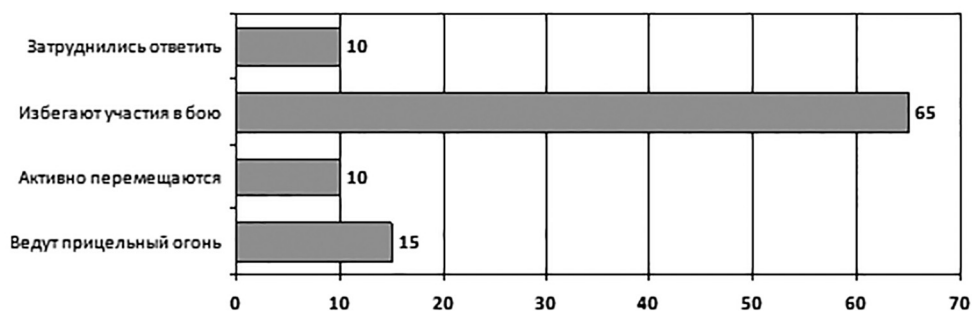

Рис. 1. Формы боевого поведения американских военнослужащих в годы Второй мировой войны и войны в Корее (1950–1953)

дивой и ложной информации и др. [6]. Могут использоваться и специально разработанные программы и технологии воздействия на массовое и индивидуальное сознание, психику противника и его население [7].

В качестве примера подобных информационно-психологических воздействий может служить победа западных коалиционных сил во главе с США над Ираком. Известно, что сухопутные операции коалиционных сил начались только тогда, когда было достоверно установлено, что личный состав иракских войск с помощью информационно-психологического воздействия был деморализован и подавлен психологически на 40–60%. Хотя, по данным Пентагона, за период воздушных операций Ирак потерял примерно 10% авиации, около 18% бронетехники и не более 21% артиллерии, но моральный дух войск и населения был сломен. Это позволило коалиционным силам решить свои военно-стратегические задачи без серьезных боевых столкновений с иракскими войсками и сохранить значительную часть своего личного состава.

В результате информационно-психологического воздействия коалиционных сил «достаточно мощная, хорошо технически оснащенная, обученная и боеспособная группировка Вооруженных сил Ирака, имеющая опыт семилетней войны с Ираном, была почти полностью разложена, деморализована, лишена морально-психологической способности вести боевые действия» [9, с. 62–63].

Наполеон не без основания утверждал: «Четыре газеты могут принести врагу больше зла, чем стотысячная армия».

Социальная леность военнослужащих, участвующих в боевых действиях, серьезно беспокоит американское военное

командование и сегодня. Изучение американских интернет-сайтов, связанных с деятельностью военнослужащих, показало, что для преодоления этого негативного явления привлекаются последние достижения военной, психологической науки и современные технологии. Так, большие надежды возлагаются на тактические коммуникаторы (смартфоны, планшеты), которыми оснащается каждый американский военнослужащий. Такие коммуникаторы, объединенные в закрытые локальные сети воинского подразделения, позволяют участникам боевых действий и их командирам видеть на экране иконки своих товарищей и фиксировать историю боевых действий каждого военнослужащего. Это мешает «зайцам» избежать активного участия в боевых действиях, повышает их уверенность в надежности боевых товарищей, снимает чувство одиночества на поле боя.

Существенное влияние на психологическую устойчивость участников боевых действий оказывает функциональная и психологическая совместимость военнослужащих, которая включает в себя и совместимость социально-психологическую. Функциональная несовместимость военнослужащих имеет негативные последствия. Она может высчитываться по разным параметрам: по уровню военно-профессиональной и физической подготовленности военнослужащих, по состоянию их физического и психического здоровья и т.д.

Шведский военный психолог Я. Агрель обратил внимание на такое важное основание функциональной и психологической совместимости военнослужащих, как «пики переживания страха». Он доказал, что солдаты переживают их на разных этапах боевых действий. Так, 90% опрошен-

ных участников боевых действий заявили о том, что испытывают сильно выраженный страх. Из них 39% переживают максимальный страх до боя, около 35% – в ходе боя и 16% – после [1] (рис. 2).

Знание этого факта подталкивает зарубежных военных психологов к поиску форм изменения композиции и структуры мелких боевых подразделений, команд, расчетов, экипажей с учетом пиков переживаний страха их членами в бою. Боевые группы и команды формируются таким образом, чтобы в них были воины с разными этапами переживания пиков страха. При этом воины, переживающие пик страха после боя, могут оказывать психологическую поддержку товарищам, переживающим пики страха и во время боя, и до него.

В последнее время в армиях Великобритании и США ведется работа по подготовке и организации работы психологического актива. Так, в армии Великобритании в 2008 году была создана система психологической взаимопомощи военнослужащих TRiM (Trauma Risk Management – «Управление риском травматизации»), являющаяся частью более широкой глубоко эшелонированной превентивно-реактивной системы психологической помощи участникам боевых действий. Она действует по принципу «разделенная проблема – напо-

ловину решенная проблема». С 2008 года было подготовлено более 10 тыс. специалистов по проведению подобных вспомогательных индивидуальных и групповых бесед. Такие беседы проводятся в боевой обстановке, в период передышек. Их главная цель – психологическая поддержка сослуживцев [5; 12].

В последнее время в армиях англосаксонских стран социально-психологические факторы рассматриваются в качестве важнейших детерминант психологической устойчивости участников боевых действий. Например, по мнению американских военных психологов она включает в себя такие компоненты, как:

- когнитивные ресурсы, позволяющие эффективно решать проблемы;
- эмоциональные умения противостоять стрессу;
- социальные и семейные ресурсы, которые могут быть привлечены в нужное время, повысить способность находить цель и смысл своей службы, физическую стойкость к продолжительным трудностям [10].

Тренинги формирования психологической устойчивости военнослужащих проводятся в рамках программы «Всесторонняя готовность военнослужащих и их семей», а влияние семей на боеспособность военнослужащих называется

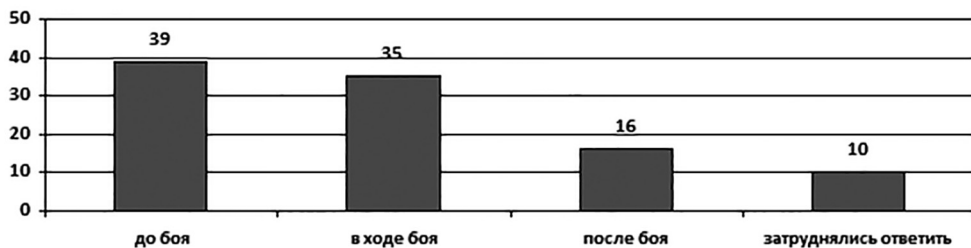

Рис. 2. Пики переживания страха военнослужащими в бою

«семейным фронтом». Анализируя мифы и реалии, связанные с психологической устойчивостью военнослужащего, американские военные психологи отмечают, что устойчивость касается не только индивидуальности, но и ее взаимоотношений, способности не только индивидуально справляться со всеми проблемами самостоятельно, но и уметь в нужное время обратиться за помощью к сослуживцам. В связи с этим, военнослужащие обучаются выстраивать надежные отношения с сослуживцами, осуществлять позитивное и эффективное взаимодействие, развивать эмпатию, обращаться за помощью к окружающим и быть готовыми прийти к ним на помощь. Особенно важно уметь выстраивать конструктивные отношения с родными и близкими. Об этом свидетельствует то, что большинство самоубийств военнослужащих в боевой обстановке совершается не из-за царящего вокруг ужаса, а из-за их отношений с близкими. Не случайно американский генерал Чак Андерсон подчеркивает: «Поразительно, но первое, о чем просят мои солдаты в Афганистане, вернувшись из боя, не гамбургер, а wi-fi... Мои ребята все при интернете; у всех сотовые телефоны, у многих BlackBerry или iPhone» [17, с. 50].

Действительно, почти у каждого американского солдата, участвующего в войнах нового века, есть мобильный телефон, доступ в интернет и веб-камера. Он может в любое удобное время связаться с домом. В связи с этим даже в зоне боевых действий они переживают как радости, так и неурядицы семейной жизни. Последние могут приводить к депрессии, посттравматическому стрессу, суициду. Специалисты по «боевому стрессу» установили, что в Ираке и Афганистане главным предиктором мысли о самоубийстве являлся кри-

зис в отношениях с близкими. Особенно опасными в этом смысле являлись такие ситуации, как телефонные звонки с выяснением отношений; борьба за контроль и власть в семье; разговоры, в результате которых оба партнера чувствовали себя брошенными, одинокими и отверженными; неспособность партнеров просто быть хорошими друзьями и поддерживать друг друга в беседе; незнание, как справиться с ведущими себя импульсивно детьми, сильно скучающими по отсутствующему родителю; угрозы разорвать отношения со стороны одного или обоих партнеров; крупные периодические кризисы доверия и измена [17].

С 2008 года в вооруженных силах США осуществляется программа всесторонней воинской подготовки. Главным психологическим специалистом, возглавляющим эту программу, стал экс-президент Американской психологической ассоциации, профессор пенсильванского университета, автор позитивной психологии Мартин Селигман, который провел тренинг с 1,5 млн американских солдат, используя несколько тысяч подготовленных в ходе десятидневного тренинга сержантов – психологических активистов (тренеров) [там же].

Одной из целей тренинга являлось формирование у военнослужащих позитивного (саногенного) мышления и нормальных взаимоотношений с окружающими. Психолог предлагал американскому военному командованию активнее использовать современные технологии для развития позитивного мышления, составляющего ядро психологической устойчивости. Среди этих технологий – социальные сети, компьютерные игры, тренинги и т.д. Он отмечал, что, к примеру, Facebook в его нынешнем виде «формирует четыре со-

ставляющие благополучия: положительные эмоции, вовлеченность (все эти фотографии радостных событий), хорошие отношения с людьми (то, зачем мы “добавляем в друзья”), а теперь и достижения» [17, с. 50].

Разработанный под руководством Селигмана «тест общей оценки» устойчивости включает в себя вопросы для измерения степени психосоциального благополучия военнослужащих всех рангов в следующих областях подготовки:

- 1) эмоциональная;
- 2) социальная;
- 3) семейная;
- 4) духовная.

То есть три шкалы из четырех непосредственно связаны с социально-психологическими факторами. Так, *шкала эмоциональной подготовки* включает утверждения, характеризующие горизонтальную и вертикальную сплоченности военнослужащих, – такие, как «я доверяю своим боевым товарищам в отношении своей жизни и безопасности», «мои лучшие друзья служат в моем подразделении», «в целом я доверяю своему непосредственному начальнику». В *шкале семейной подготовки* представлены вопросы по типу «я чувствую близость с семьей», «я уверен, что армия позаботится о моей семье», «моя служба в армии ложится на

семью слишком тяжелым бременем», «армия позволяет моей семье лучше жить» и т.п. Членам семей военнослужащих предлагается модифицированный вариант теста [там же, с. 71]. В процессе последующих тренингов военнослужащие и члены их семей учатся преодолевать катастрофическое мышление в боевой и социальной жизни, понимать партнера по общению, интерпретировать социальные ситуации, управлять своими эмоциями, оказывать психологическую поддержку партнеру.

Таким образом, командование и психологи армий зарубежных государств, заботясь о повышении боевой активности и психологической устойчивости военнослужащих, активно обращаются к исследованию их социально-психологических факторов. Решающими факторами преодоления боевых стрессов они считают горизонтальную и вертикальную сплоченности воинского подразделения, совместимость военнослужащих, прочность и конструктивность их отношений с родными и близкими.

Опыт повышения боевой активности и психологической устойчивости участников боевых действий, накопленный в зарубежных армиях, может быть учтен при строительстве психологической службы Вооруженных сил Российской Федерации.

Литература

1. Агрель Я. Стресс: его военные следствия, психологические аспекты и проблемы. Эмоциональный стресс. Физиологические и психологические реакции. Медицинские, индустриальные и военные последствия стресса / Пер. с англ. М.: Медицина, 1970.
2. Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Зинченко Ю.П. Американская военная психология как область специальной практики // Национальный психологический журнал. 2014. № 1. С. 63–71.
3. Караяни А.Г., Корчемный П.А., Марченков В.И. Психологическая подготовка боевых действий войск: учебное пособие. М.: Изд-во Военного университета, 2011.
4. Караяни А.Г. Психическая устойчивость: прочность или гибкость? Рецензия на книгу «Формирование психологической устойчивости у военнослужащих» // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23). С. 72–75.

5. *Караяни А.Г.* Страх на войне: деструктивный фактор или психологический ресурс // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 1. С. 100–114.
6. *Каширин В.П.* Личность в современном информационном поле // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». Вып. 1. М., 2016. С. 5–11.
7. *Каширин В.П.* Программы и технологии управления массовым сознанием // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». Вып. 2. М., 2017. С. 15–19.
8. *Маршалл С.Л.* Американцы в бою // Офицер вооруженных сил / Пер. с англ. Вашингтон, 1991.
9. *Прокофьев В.Ф.* Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. М., 2003.
10. *Селигман М.* Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
11. *Belenky G.L., Noah S., Solomon Z.* Battle Stress: The Israeli Experience // Military review, 1985. № 7. P. 28–37.
12. Building Psychological Resilience in Military Personnel: theory and practice / Edited by Robert R. Sinclair and Thomas W. Britt. Washington, 2013.
13. *Horn B.* The worm revisited: an examination of fear and courage in combat // Canadian military journal [Digital resource]. – URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vo5/no2/lead-ersh-directio-eng.asp> (дата доступа: 16.11.2017 г.).
14. *Hughes J.H., Neville M.* Battle Against Stigma. Barcelona: Grafos, 2014.
15. *Karayani A.G.* The Power of Weakness: Review of the book by Mark Neville and Jamie Hacker Hughes «Battle Against Stigma» // Psychology in Russia: State of the Art. Vol. 8, 3, 157–160.
16. Military psychology / Edited by R. Gal, A.D. Mangelsdorff. Wiley, 1991.
17. *Reivich K., Seligman M.E.* Master Resilience Training in the US Army // American psychologist. January, 2011.

Literatura

1. *Agrel' Ya.* Stress: ego voennye sledstviya, psihologicheskie aspekty i problemy. Ehmocional'nyj stress. Fiziologicheskie i psihologicheskie reakcii. Medicinskie, industrial'nye i voennye posledstviya stressa / Per. s angl. М.: Medicina, 1970.
2. *Karayani A.G., Karayani Yu.M., Zinchenko Yu.P.* Amerikanskaya voennaya psihologiya kak oblast' special'noj praktiki // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2014. № 1. S. 63–71.
3. *Karayani A.G., Korchemnyj P.A., Marchenkov V.I.* Psihologicheskaya podgotovka boevykh deystvij vojsk: uchebnoe posobie. М.: Izd-vo Voennogo universiteta, 2011.
4. *Karayani A.G.* Psihicheskaya ustojchivost': prochnost' ili gibkost'? Recenziya na knigu «Formirovanie psihologicheskoy ustojchivosti u voennosluzhashchih» // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2016. № 3 (23). S. 72–75.
5. *Karayani A.G.* Strah na vojne: destruktivnyj faktor ili psihologicheskij resurs // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2015. Т. 12. № 1. С. 100–114.
6. *Kashirin V.P.* Lichnost' v sovremennom informacionnom pole // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek v sovremennom mire». Vyp. 1. М., 2016. S. 5–11.
7. *Kashirin V.P.* Programmy i tekhnologii upravleniya massovym soznaniem // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek v sovremennom mire». Vyp. 2. М., 2017. S. 15–19.

8. *Marshall S.L.* Amerikancy v boyu // Oficer vooruzhennyh sil / Per. s angl. Vashington, 1991.
9. *Prokof'ev V.F.* Tajnoe oruzhie informacionnoj vojny: ataka na podsoznanie. M., 2003.
10. *Seligman M.* Put' k процветaniyu. Novoe ponimanie schast'ya i blagopoluchiya. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2013.
11. *Belenky G.L., Noah S., Solomon Z.* Battle Stress: The Israeli Experience // Military review, 1985. № 7. P. 28–37.
12. Building Psychological Resilience in Military Personnel: theory and practice / Edited by Robert R. Sinclair and Thomas W. Britt. Washington, 2013.
13. *Horn B.* The worm revisited: an examination of fear and courage in combat // Canadian military journal [Digital resource]. – URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vo5/no2/leadersh-directio-eng.asp> (data dostupa: 16.11.2017 g.).
14. *Hughes J.H., Neville M.* Battle Against Stigma. Barcelona: Grafos, 2014.
15. *Karayani A.G.* The Power of Weakness: Review of the book by Mark Neville and Jamie Hacker Hughes «Battle Against Stigma» // Psychology in Russia: State of the Art. Vol. 8, 3, 157–160.
16. Military psychology / Edited by R. Gal, A.D. Mangelsdorff. Wiley, 1991.
17. *Reivich K., Seligman M.E.* Master Resilience Training in the US Army // American psychologist. January, 2011.

DOI: 10.25586/RNUV925X.18.01.P.014

УДК 199.9

«Вестник Российского нового университета»

ISSN 2414-925X

Е.В. Митасова, Е.А. Некрасова

ФЕНОМЕН ПЕРЕЖИВАНИЯ ПОТЕРИ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Проведен анализ феномена «потеря» и качественных характеристик его переживания для безопасности личности. Рассмотрены виды потерь, выделены уровни субъективной масштабности потери. Обобщены факторы, влияющие на динамику переживания потерь. Выделены стратегии, формирующиеся в ходе переживания потерь и их влияние на безопасность личности. Сделан вывод о необходимости учета субъективного уровня масштабности потери для профилактики суицидов и дезадаптации.

Ключевые слова: потеря, переживание потери, личность, безопасность, стратегии переживания потери, уровни переживания потери, стадии переживания потери.

The article gives an analyses of the “loss” phenomenon and qualitative characteristics of its experience for security of person. It considers types of losses and highlights the levels of the subjective scale of loss. The article also describes dynamic changes in the emotional spectrum during loss experience and adaptation to it; it generalizes factors which influence the dynamic of loss experience. The article highlights strategies formed during loss experience and its influence on the security of person. It is made a conclusion about the necessity of recording the subjective scale of loss for suicide and maladaptation prevention.

Keywords: loss, loss experience, person, security, loss experience strategies, loss experience levels, loss experience stages.